

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Джон Коннолли

Шепчущие



Москва
2017

УДК 821.111-312.4(417)
ББК 84(4Ирл)-44
К64

John Connolly
THE WHISPERERS

Copyright © 2010 by John Connolly.
This edition published by arrangement with Darley Anderson
Literary, TV & Film Agency and The Van Lear Agency

Оформление серии *А. Саукова*

Фотография Джона Коннолли на клапане суперобложки:
© Ulf Andersen / Gettyimages.ru

Коннолли, Джон.

К 64 Шепчущие / Джон Коннолли ; [пер. с англ.
С. Н. Самуйлова]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 384 с.— (DETECTED. Тайна, покорившая
мир).

ISBN 978-5-699-93529-1

Частный детектив Чарли Паркер отчасти разобрался с призраками прошлого и принял новый заказ, хотя и неохотно. Ему предстоит выяснить, какие темные дела проворачивает недавно вернувшийся на родину ветеран иракской кампании. Заказ поступил от отца другого ветерана – старик надеется, что это прольет свет на весьма странную смерть вернувшегося с войны сына. Солдаты явно что-то привезли из Ирака. Но что? Просто контрабандный товар или нечто большее? Пытаясь получить ответ, детектив вступает в схватку с двумя охотниками за артефактами. Оба охотника связаны с какими-то древними силами. Один из них – его старый знакомый, а второй...

УДК 821.111-312.4(417)
ББК 84(4Ирл)-44

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93529-1

*Посвящается
Марку Данну, Полу О'Рейлли,
Ноэлю Маеру и Эммету Хегарти —
всем этим прекрасным людям.*

ПРОЛОГ

Война — явление мифическое... Где еще, кроме конвульсий страсти... можем мы погрузиться в состояние мифа, столкнувшись в высшей степени с реальными богами?

*Джеймс Хиллман
«Ужасная любовь войны»*

Багдад, 16 апреля 2003 года

Девушку, брошенную и всеми забытую, доктор аль-Дайни нашел в длинном центральном коридоре. Она лежала, почти полностью погребенная под осколками битого стекла и керамики, брошенной одеждой, обломками мебели и старыми газетами, использовавшимися как упаковочный материал. Ее скрывала темнота и висевшая в воздухе пыль, и она так и осталась бы незамеченной, но аль-Дайни потратил годы и десятилетия на поиски таких, как она, и наметанный глаз различил ее там, где другие не заметили бы и прошли мимо.

Видна была только голова — открытые голубые глаза и сухие, блекло-красные губы. Он опустился рядом с ней на колени и слегка разгреб засыпавший ее мусор. Снаружи доносились крики и громоханье передвигающихся танков. В коридоре неожиданно вспыхнул яркий свет; громко переговаривались и отдавали приказы вооруженные люди, но они пришли слишком поздно. Когда это все произошло, другие, такие же, как эти, находились где-то рядом, выполняя свои задания, так что им было не до нее. В отличие от аль-Дайни. Он узнал ее сразу, как только увидел, потому что она всегда была одной из его любимиц. Красота девушки пленила его с первого взгляда, и затем много лет он всегда, каждый день, находил

минутку-другую, чтобы подойти и поздороваться или просто постоять рядом и ответить улыбкой на ее улыбку.

Может быть, ее еще можно спасти, с надеждой подумал аль-Дайни, но, осторожно убрав обломки дерева и куски камня, понял, что сделать уже почти ничего нельзя. Над ней надругались, жестоко и бессмысленно, и это произошло не случайно, это сделали намеренно — он видел на полу следы сапог, топтавших ее и ломавших ей ноги и руки, раздробив их чуть ли не до состояния песка, на котором она лежала. Голова странным образом избежала расправы, и аль-Дайни никак не мог рассудить, стала от этого картина случившегося менее отвратительной или еще более ужасной.

— Ох, милая, — прошептал он, бережно поглаживая щеку, впервые за пятнадцать лет касаясь ее. — Что же они с тобой сделали? Что они сделали со всеми нами?

Нужно было остаться. Ему не следовало оставлять ее, как и всех их, но федаины дрались с американцами около министерства информации, и музейщики, обкладывая фризы мешками с песком и оборачивая статуи поролоном, уже слышали треск стрельбы и грохот взрывов. Оставалось только радоваться, что некоторые сокровища удалось перевезти в безопасное место еще до начала вторжения. Бой переместился ближе к телестанции всего в километре от музея, и к центральному автовокзалу по другую сторону комплекса. Стрельба слышалась все ближе и ближе. Аль-Дайни настаивал на том, чтобы остаться — в конце концов, в подвале были запасы воды и продуктов, — но большинство сочли, что риск слишком велик. Из охранников не струсил только один; остальные, побросав оружие и скинув форму, убежали, когда в саду замелькали одетые в черное стрелки. И вот тогда они заперли центральные двери, выскользнули через запасной выход, перебрались на другой, восточный, берег реки и там в доме коллеги ждали прекращения огня.

Однако бой все продолжался. Потом они попытались вернуться по мосту медгородка, но там их завернули. Пришлось вернуться в дом коллеги, где они просидели

еще какое-то время, попивая кофе. Просидели, может быть, слишком долго, обсуждая, стоит ли покидать казавшееся безопасным место. Но что еще оставалось? И все-таки аль-Дайни не мог простить себя, не мог избавиться от чувства вины. Он бросил ее, и вот что с ней сделали.

Он плакал, но не из-за висевшей в воздухе пыли — боль потери и ярость были причиной слез. Плакал и не смог остановиться, даже когда в поле зрения появилась нога в солдатском ботинке, а в лицо посветили фонариком. За спиной у светившего стояли люди с оружием на изготовку.

— Кто вы, сэр? — спросил военный.

Аль-Дайни не ответил. Не мог. Не нашел сил оторвать взгляд от оскверненной девушки.

— Сэр, вы говорите по-английски? Еще раз спрашиваю, кто вы?

Аль-Дайни уловил в голосе солдата не только невразумительность, но и некоторую заносчивость — вполне естественное превосходство победителя над побежденным. Он прерывисто вздохнул и поднял голову.

— Я — доктор Муфид аль-Дайни, заместитель куратора по римским древностям в этом музее, — сказал он, вытирая глаза, и после небольшой паузы добавил: — Точнее, бывший заместитель куратора по римским древностям, поскольку никакого музея уже нет. Остались лишь обломки. И вы допустили, чтобы это произошло. Вы были рядом и допустили это...

Ученый обращался не столько к солдатам, сколько к себе самому, и слова горьким пеплом оседали во рту. Сотрудники ушли из музея во вторник, а в субботу, узнав, что музей разграблен, стали возвращаться, чтобы оценить масштабы ущерба и постараться предотвратить дальнейшее разграбление. Кто-то рассказал, что грабежи начались в четверг, когда возле музейной ограды собрались сотни людей. В течение двух дней эти люди делали все, что хотели, и никто им не препятствовал. Поговаривали, что к грабежам причастны и работники музея, охранники, заранее выбравшие для себя наиболее ценные

артефакты. Из залов вынесли все, что смогли поднять, а большую часть оставшегося попытались уничтожить. Аль-Дайни с несколькими коллегами отправился в штаб морских пехотинцев и умолял помочь с охраной здания, поскольку расхитители могли вернуться, но американцы, чьи танки стояли на перекрестке, всего лишь в пятидесяти метрах от музея, отказались переместиться и прийти на помощь, процитировав в ответ на обращение строчки приказа. В конце концов помощь им все же обещали, но только на среду и только в крайнем случае. Аль-Дайни пришел чуть раньше американцев, потому что оказался в числе тех немногих, кому было предписано держать связь между солдатами и средствами массовой информации, и все предыдущие дни провел среди военных и журналистов.

Он осторожно поднял голову истерзанной девушки, юной и в то же время древней, со следами краски, сохранявшимися на волосах, губах и на глазах вот уже почти четыре тысячи лет.

— Посмотрите, — сказал он, все еще плача. — Посмотрите, что они с ней сделали. — На мгновение солдаты повернулись к странному, покрытому белой пылью старику с полой головой в руках и тут же двинулись дальше, к разграбленным залам Иракского музея. Это были молодые ребята, и операция, в которой они участвовали, касалась будущего, а не прошлого. Здесь никто не погиб, а то, что произошло... что ж, такое случается.

Война все-таки.

* * *

Аль-Дайни проводил их взглядом. Потом осмотрелся и заметил у поваленного экспозиционного шкафа испачканную краской тряпицу. Убедившись, что она относительно чиста, он расстелил ее, положил в центр голову девушки и, аккуратно завернув, связал узлом четыре уголка, чтобы удобнее было нести. Держа узелок в левой

руке, аль-Дайни устало выпрямился, как палач, готовый представить повелителю плод своего топора; столь естественным было выражение лица девушки, столь встревожен и шокирован аль-Дайни, что он, наверное, даже не удивился бы, если бы перерубленная шея начала кровоточить, роняя на пыльный пол красные, похожие на лепестки капли. Вокруг него, напоминая о том, что было здесь раньше, открытыми ранами зияли пустоты. Со скелетов, разбросав кости, сорвали украшения. Статуи стояли обезглавленные — от них отделили и унесли главные части внешнего облика. Удивительно, подумал ученый, что голова девушки при всей ее изысканности почти не пострадала, не попала никому на глаза. Или просто кто-то удовлетворился уже тем, что растоптал ее тело, и так отнял у мира немного красоты.

Масштабы разрушений поражали. Ваза из Урука, шедевр шумерского искусства, датируемый примерно 3500 г. до н. э., старейший в мире резной ритуальный сосуд из камня, — сорвана с основания. Прекраснейшая арфа с головой быка уничтожена теми, кто ободрал с нее золото. Маска из Урука, первое натуралистическое изображение человеческого лица, — исчезла. Нижняя часть статуи из Бассетки — исчезла. Статуя Энтема — исчезла. Аль-Дайни переходил из зала в зал, заменяя пропавшее фантомами, — здесь костяная печать, там украшенная драгоценными камнями корона, покрывая призраками минувшего руины настоящего. И даже теперь, ошеломленный масштабом нанесенного урона, он мысленно шел по каталогу, стараясь припомнить возраст и источник каждой ценной реликвии на тот случай, если музейные архивы окажутся недоступными, когда они приступят к кажущейся сейчас невозможной работе по восстановлению утраченного.

Реликвии.

Аль-Дайни остановился. Закрыв глаза и едва заметно покачнулся. Проходивший мимо солдат спросил, все ли в порядке, и предложил воды — проявление любезности, на которое он не ответил из-за охватившего его

беспокойства. Вместо ответа он повернулся к солдату и схватил его за руки. И если бы палец американца лежал на спусковом крючке, это порывистое движение разом бы покончило со всеми проблемами ученого.

— Я — доктор Муфид аль-Дайни. Заместитель куратора музея. Пожалуйста, помогите. Мне нужно спуститься в подвал. Я должен проверить кое-что. Это очень, очень важно. Вы должны помочь мне попасть туда. — Он кивнул в сторону вооруженных людей — фигур в бежевом в сумрачных коридорах.

Солдат с сомнением посмотрел на иракца и пожал плечами.

— Для начала, сэр, уберите руки. — Американцу было лет двадцать, не больше, но в нем ощущалась уверенность, свойственная людям постарше. Аль-Дайни отступил, извиняясь за свою бесцеремонность. — У вас есть удостоверение? — спросил солдат, звали которого, судя по нашивке на форме, Пэтчет.

Аль-Дайни нашел свой музейный бэйджик, но надпись там была на арабском. Порывшись в бумажнике, он отыскал визитку с арабским и английским текстами и протянул ее солдату. Прищурившись в скудном свете, Пэтчет внимательно изучил карточку и вернул ее пожилому иракцу.

— О'кей, давайте посмотрим, что тут можно сделать.

* * *

В музее аль-Дайни занимал две должности. Будучи заместителем куратора по римским древностям — этот официальный статус лишь в незначительной степени отражал глубину и широту его знаний, а также объем дополнительной ответственности, добровольно, неофициально и бесплатно взятой им на себя, — он числился еще и куратором фонда некаталогизированных материалов. Мало кто догадывался, какая титаническая работа скрывалась за скромным наименованием должности. В музее действовала сложная и устаревшая система

инвентаризации, из-за чего десятки тысяч предметов оставались неучтенными. Часть подвала представляла собой лабиринт стеллажей, заставленных артефактами в ящиках и в открытом виде, и большая их часть, вернее, большая часть крошечных фрагментов, каталогизированных аль-Дайни и его предшественниками, не имели большой стоимости в денежном выражении, но представляли собой вехи, памятники цивилизации, либо изменившейся до неузнаваемости, либо полностью исчезнувшей из этого мира. Во многих отношениях именно подвал был любимым местом аль-Дайни в музее, ибо никто не знал, какие тайны здесь скрываются, какие неведомые сокровища можно обнаружить. Пока, сказать по правде, таковых нашлось не так уж много, но кладовая не пустела, потому что на каждый внесенный в каталог черепок или осколок статуи приходился десяток новых, только что обнаруженных. Объем известного постоянно увеличивался, но и с неисследованным происходило то же самое. Человек менее увлеченный считал бы эту работу бесплодной и невыполнимой, но в том, что касалось знаний, аль-Дайни был романтиком, и мысль о постоянно пополняющемся запасе неизвестного отзывалась радостью в его душе.

Держа в руке фонарик — Пэтчет, тоже с фонариком, следовал за ним, — аль-Дайни пробрался через каньоны архива и понял, что ключ уже не нужен — разбитая дверь болталась на петлях. В подвале было жарко и душно, в воздухе стоял резкий запах горящего пенопласта — грабители использовали его куски в качестве факелов, поскольку электричество отключилось за несколько часов до вторжения, — но внимание аль-Дайни привлекло вовсе не это. Мародеры и здесь оставили свои следы — перевернутые стеллажи, разбросанное содержимое ящиков и коробок, даже сожженные документы, — но, должно быть, не нашли ничего ценного для себя и убрались сравнительно быстро. Тем не менее кое-что определенно исчезло, и аль-Дайни с тревогой двинулся дальше. Добравшись до нужного места, он

остановился и в отчаянии уставился на пустую полку. И все же надежда еще оставалась.

— Кое-что пропало, — сказал он Пэтчету, — и я умоляю вас помочь мне найти это.

— Что мы ищем?

— Свинцовый контейнер. Не очень крупный. — Ученый развел ладони примерно на два фута. — Простой контейнер с обычным запором и небольшим замком.

Вместе они осмотрели все открытые помещения подвала, а когда Пэтчет ушел по вызову командира отделения, аль-Дайни один продолжал поиски до наступления ночи, но никаких следов свинцового контейнера так и не нашел.

Если хочешь спрятать что-то ценное, положи это в кучу хлама. А еще лучше — заверни в тряпье, так что сокровище, даже оставаясь на виду, не привлечет ничего внимания. Предмет даже можно занести в каталог как то, чем он не является; в данном случае: свинцовый контейнер, персидский, шестнадцатый век, внутри ничем не примечательный закрытый ящичек чуть меньшего размера, изготовлен, по всей вероятности, из железа и окрашен красной краской. Дата: неизвестна. Источник: неизвестен. Ценность: минимальная.

Содержимое: нет.

И все это — ложь, в особенности последний пункт, потому что если приблизиться к ящичку, находящемуся внутри контейнера, то покажется, что в нем кто-то говорит.

Точнее, не говорит.

Шепчет.

*Мыс Элизабет, штат Мэн
Май 2009 года*

Собака слышала, что ее зовут, и настороженно подошла к лестнице. Она спала на одной из кроватей, чего ей не полагалось. Прислушавшись, она не различила в

голосе ничего, что намекало бы на опасность. Позвали снова. Звякнул поводок. Собака вскочила и бросилась вниз по ступенькам, едва не упав вниз.

Дэмиен Пэтчет успокоил ее, подняв руку, и пристегнул поводок к ошейнику. На улице было тепло, но пришел он в защитной военной куртке. Учувя знакомый запах, собака ткнулась носом в карман, но Дэмиен отогнал ее. Отец отправился в ресторан, и в доме было тихо. Солнце клонилось к закату, и когда Дэмиен повел животное через лес к морю, небо у него за спиной уже отливало красным золотом.

Не привыкшая к ограничениям, собака нетерпеливо покусывала поводок. Обычно на прогулках ей предоставлялась полная свобода, можно было носиться где угодно, и теперь она недовольно рвалась вперед. Ей даже не позволили остановиться и прилечь, а когда она попыталась помочиться, грубо и бесцеремонно потащили дальше. На ближайшей березе висело гнездо пятнистых ос. Сейчас, к вечеру, серое сооружение, днем представлявшее собой гудящую агрессивную массу, притихло. В начале недели, когда собака попыталась отведать сладкого березового сока — слетевший с дерева желтобрюхий дятел-сосун продолбил в коре дырку, оставив манящий источник для разного рода насекомых, птичек и белок, — ее ужалила оса. Теперь, приближаясь к знакомому дереву, собака это вспомнила и, заскулив, попыталась обойти березу, но Пэтчет успокоил зверя, погладил и сменил направление — в сторону от места происшествия.

В детстве Дэмиена всегда привлекали пчелы, осы и шершни. Эта колония сформировалась весной, когда оплодотворенная матка, очнувшись от многомесячного сна, начала отщипывать кусочки древесины, перетирать их во рту, смачивать слюной и прессовать, создавая бумажную пульпу, к которой она постепенно добавляла шестиугольные соты для младшего поколения: самок из оплодотворенных яиц и самцов из нетронутых. Как и когда-то мальчишкой, он внимательно прослеживал